

**«НАМЕТКИ» А. Н. ЕГУНОВА
К ПЕРЕВОДУ ПЛАТОНОВСКОГО «ПИРА»**

Р. В. СВЕТЛОВ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)
spatha@mail.ru

Д. В. ШМОНИН

Санкт-Петербургский государственный университет
dmitry.shmonin@gmail.com

ROMAN SVETLOV

Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

DMITRY SHMONIN

St Petersburg State University (Russia)

A. N. EGUNOV'S «OUTLINES» FOR THE TRANSLATION OF PLATO'S «SYMPOSIUM»

ABSTRACT. The archive of A. N. Egunov, a prominent Russian writer, poet, and scholar, includes unpublished fragments of his translation of the dialogue «Symposium». These fragments were prepared during his work on the 1965 edition of Plato's Selected Dialogues. Egunov carefully researched the then available translations of the «Symposium» and concluded that none of them met the requirements of a modern edition. He prepared recommendations for future translators and gave some excerpts of his own translation as a sample. In the publication we offer one of these fragments, the speech of Pausanias, as well as A. N. Egunov's discussion of the correct translation in Russian of the term "πάνδημος", one of the epithets of the goddess Aphrodite.

KEYWORDS: Plato, «Symposium», speech of Pausanias, Aphrodite Pandemos.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00671, <https://rscf.ru/project/22-28-00671/>, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project № 22-28-00671, <https://rscf.ru/project/22-28-00671/>. The Immanuel Kant Baltic Federal University.

«Пир» – тот диалог Платона, который чаще других переводится на русский язык. Уже в XVIII столетии в России имелось два варианта этого текста (в переводах Н. И. Новикова и М. С. Пахомова 1783). В XIX–XXI вв. появилось еще целая серия переводов, принадлежащих перу В.Н. Карпова, А. Пресса,

И.Д. Городецкого, С.А. Жебелева, С.К. Апта, А.В. Маркова. И это, не считая различных вольных переложений диалога или его фрагментов. Переводы по-разному оцениваются исследователями, однако позволяют читателю увидеть Платона с разных сторон.

В копилку «Русских “Пиров”» мы хотим добавить речь Павсания: (Symр. 180с–185с), перевод которой на русский язык имеется в архиве Андрея Николаевича Егунова. Сам А.Н. Егунов назвал этот текст «наметками к переводу». Обстоятельства появления их на свет были связаны с подготовкой книги «Избранные диалоги» Платона, опубликованной в издательстве «Художественная литература» в 1965 г. В данном издании Андрей Николаевич выступал в качестве переводчика (диалог «Федр»), научного редактора и эксперта по отбору переводов для книги. В содержащемся в архиве документе, который имеет название «Критические заметки к переводам Платона» (номер 10 по каталогу архива), мы обнаруживаем послания А.Н. Егунова ответственным редакторам книги, где Андрей Николаевич объясняет свою редакционную правку, а также выдвигает ряд предложений по составу переводов (в дальнейшем мы планируем опубликовать этот документ полностью). Нам уже доводилось характеризовать подход выдающегося специалиста по античной словесности к редакции «русских версий» Платона. Отметим, что наиболее характерным для него являлось убеждение в необходимости соответствия перевода требованиям современной российской словесности: текст, созданный на литературном языке своей эпохи должен передаваться литературным же языком эпохи новой (Светлов, Минак 2022).

Делясь своими критическими размышлениями по поводу имевшихся к тому моменту переводах «Пира» (в качестве возможных вариантов рассматривались тексты И.Д. Городецкого, А. Пресса, С.А. Жебелева), А.Н. Егунов приходит к выводу, что ни один из них не годится для публикации. Попытки переработать, в частности, текст Городецкого приводят его к выводу о том, что редактура превращается в создание нового перевода. А.Н. Егунов пишет:

«Пока позволяет время следует поручить сделать новый перевод – желательно, по-моему, кому-нибудь из младшего поколения, чтобы в однотомнике Платона фигурировали бы на паритетных началах и старики и молодежь – это показывало бы, что Платон – дело не только для “ископаемых”. Этому будущему переводчику можно передать листки с моими опытами редактирования перевода Городецкого, в качестве материала, подлежащего дальнейшему усовершенствованию» (с.22 рукописи).

Мы знаем, что «Пир» в итоге действительно был опубликован в переводе Соломона Константиновича Апта.

В своих «Критических заметках» А.Н. Егунов формулирует пожелания для такого возможного проекта и дает варианты текста, который мог бы получиться в результате, в том числе речь Павсания. Данная речь – один из наиболее «хрестоматийных» примеров «двоения» понимания любви и типов гендерных отношений, которые не раз встречаются в рассуждениях персонажей Платоновских диалогов. Не углубляясь в детали хорошо известных культурных «предрассудков» остановимся на одном из понятий, употребляемых в этой речи – «πάυδημος». Обсуждая, как перевести этот термин, А.Н. Егунов отмечает:

«Πάυδημος в наше время уже нельзя переводить как “всенародный”: у Платона πάυδημος означает «вульгарный». Хотя по общему правилу в переводах из древних, тем более из греческих авторов нельзя употреблять вошедших в русский язык с латинского и французского происхождения (например: “момент”, “факт”, “принцип” – хотя это сильно облегчило бы дело), так как они слишком прозаичны, но может быть, для слова “вульгарный” сделать исключение? Не решившись на это, я передаю πάυδημος как “обыденный”. В переводе должен сохраниться в этом слове отрицательный оттенок, приданный ему Платоном (аристократом, с отвращением относившимся к «плебсу», к афинской демократии). Между тем у нас слово “всенародный” имеет положительный оттенок: “всенародный праздник”, “всенародное одобрение”» (с. 23-24 рукописи).

Мы видим, насколько смысловые коннотации («всенародное» как обязательно позитивное) вновь поменялись в наше время. Тем не менее попытаемся понять, был ли «презрителен» к этой форме любви сам Платон?

Рассмотрение «Пира» как текста, где высказываются якобы платоновские взгляды на природу любви очевидно может ввести нас в заблуждение. Это касается прежде всего знаменитой концепции «половинок» в речи Аристофана (Sympr. 189d–193d). Достаточно вспомнить «пра-физиологию» человека из «Тимея», дабы понять, что Платон не разделяет идею трех протополов (Tim. 69e–70a, 91a–d). Как ни парадоксально, его взгляды ближе библейскому пониманию «гендера» первочеловека, чем к Аристофановому мифу. То же самое касается и идеи Павсания о двух Афродитах и, соответственно, двух Эротах, несмотря на то, что неоплатонически настроенными комментаторами она рассматривается как вполне платоновская (см., например, комментарии на «Пир» Марсилио Фичино) и вписывается в некую конструируемую общую концепцию диалога.

Мы уверены, что «Пир» представляет собой не изложение персонажами этого диалога разных аспектов природы Эрота, а исчерпание наших превратных мнений о нем. Каждое из таких мнений содержит нечто суще-

ственное, но существенное касательно наших предубеждений, а не объекта рассмотрения. Сократ в своей речи, как это видно ниже в диалоге, отказывается от представления о двух Эротах, формулируя взамен учение о двойственности бога любви. Да и «обыденная» любовь не третируется Диотимой, от имени которой говорит Сократ, – так, как третирует ее Павсаний (срв. *Symp.* 208d–209b). Вспомним, сколь важную роль она играет в платоновском Каллиполисе, особенно в жизни стражей. В связи с этим возникает вопрос, кому принадлежит тот пренебрежительный смысловой оттенок, который Павсаний вкладывает в слово «*πάνδημος*». Является ли его источником автор диалога? Нам кажется, что нет. «*Ἀφροδίτη Πάνδημος*» в своем изначальном смысле означает не чувственную любовь, но то начало, которое позволяет объединиться всему коллективу в единое целое. Недаром «эту» Афродиту почитали в Афинах вместе с богиней убеждения Пейто (*Πειθώ*) по традиции, установленной, якобы, еще Тесеем в честь переселения жителей сельских демонов в город (*Raus.* I. 22. 3). «Аристократический» взгляд на любовь, видимо, – достояние Павсания как персонажа Платона и той группы афинян, которые были солидарны с этой идеей, взгляды которых по замыслу Платона он выражает. Идея Павсания неверна по причине своей односторонности и эксклюзивности. А именно против односторонности в диалектическом исследовании любого предмета всегда выступает платоновский Сократ.

Вместе с тем, предложенный А.Н. Егуновым вариант перевода – «Афродита обыденная», – хотя и не соответствует «букве» платоновского текста, оказывается более приемлемым, чем, например, «Афродита пошлая».

В публикуемых ниже «Наметках» А.Н. Егунова (с. 27–35 его «Критических заметок к переводам Платона») мы сохранили авторскую орфографию и пунктуацию. Варианты перевода, имеющиеся в машинописи как пометки от руки, даны в квадратных скобках. Выделения Егунова даны курсивом.

Речь Павсания

(180c) Федр, по его словам, сказал речь в таком роде, а после Федре были еще кое-какие другие речи, но он их не очень запомнил. Опустив их, он передал речь Павсания. Тот сказал вот что: – Мне не кажется удачным, Федр, что нам предлагается так-таки попросту и непременно прославлять Эрота. Если бы был только один Эрот, это было бы удачно; однако он не один, а раз он не один правильнее было бы прежде условиться, какого из них следует

восхвалять. Я и попытаюсь поправить дело – указать сперва, (d) какого Эрота следует восхвалять, а затем уже восхвалить, как того заслуживает этот бог.

Мы все знаем, что нет Афродиты без Эрота. Если бы она была одна, то и Эрот был бы один. Но так как их две то, следовательно, и Эротов тоже два. А разве этих богинь не две? Старшая и не имевшая матери – дочь Неба, ее мы и называем Небесной; другая, младшая, – Дочь Зевса и Дионы, мы ее зовем Обыденной.¹ (e). Следовательно, ее *пособника* Эрота было бы правильно называть Обыденным, а того другого – Небесным. Восхвалять следует, конечно, всех богов, но все же надо попытаться указать, что досталось в удел каждому из этих обоих Эротов.

Всякое действие имеет такие свойства: совершаемое само по себе, оно ни прекрасно, ни *гадко* [дурно], как, например, то, что мы сейчас делаем. (181a) Пить, петь, беседовать, – ни в чем из этого нет прекрасного как такового, но в действии, как все это совершается, может получиться подобное. Совершаемое прекрасно и правильно все это становится прекрасным, а если неправильно – *гадким*. То же самое и с влюбленностью: не всякий Эрот прекрасен и достоен восхваления, но только тот, который внушает прекрасные побуждения к любви.

Эрот обыденной Афродиты поистине бывает обыденным и учиняет что попало. (b) Он тот, кого любят дурные [заурядные?] люди. Во-первых, такие люди любят и женщин не меньше, чем юношей, затем – больше тело, чем душу тех, в кого они влюблены, – затем, по возможности, самых несмышлёных; они смотрят только, как бы добиться своей цели, не заботясь о том, прекрасно ли это или нет. Поэтому и случается им совершать что попало – равно и хорошее, равно и противоположное. Ведь это зависит от богини, которая много моложе той, другой, (c) и причастна, по своему происхождению, и к женскому, и к мужскому началу.

Не таков Эрот небесной Афродиты – она, во-первых, не причастна к женскому началу, а только к мужскому (он как раз и есть любовь к юношам) затем она старше и чужда бесчинств. Поэтому те, кто вдохновлен этим Эротом, обращаются к мужскому полу, они ценят то, что по своей природе более мощно и обладает большим разумом. И в самой любви к юношам можно распознать тех, кто движим подлинно этим Эротом: такие не влюбляются в малолетних, а лишь когда юноши начинают набираться разума (d), а это близко по времени

¹ Небо-Уран, Небесная Афродита – Урания. Кронос, восставший против своего отца, Урана, изувечил его серпом. Оплодотворяющая плоть Урана своим падением в море вызвала пену – так, без матери, возникла Афродита. Диона – дочь Океана. Афродита обыденная – «всенародная» [«общенародная»].

к появлению первого пушка на щеках. Чья любовь начинается в эту пору, те готовы, мне думается, не разлучаться всю жизнь и проводить ее сообща; они не обманут, воспользовавшись неопытностью молодости, не покинут, насмеявшись, и не сменят на другого. Надо, чтобы *вошло в обыкновение* [стало правилом] не влюбляться в малолетних, (е) иначе много стараний тратится на еще неясное, ведь неясно, к чему, в смысле недостатков и достоинств души и тела, придут, с возрастом, малолетние. Люди порядочные добровольно, сами собой, придерживаются этого обыкновения, но надо принудить к нему и отверженцев обиденного Эрота, подобно тому как мы насколько можем, принуждаем их не влюбляться в (182a) свободнорождённых женщин. Эти люди как раз и опозорили любовь, так что кое-кто смеет говорить, что вообще постыдно угождать влюбленному. Это говорят, видя подобных людей, замечая их надоедливость и неправоту, а ведь все, что делается беспорядочно и незаконно, вызывает справедливое порицание.

Обычай, касающийся любви, принятые в остальных городах,² постигнуть легко, так как они там определены просто, но у нас здесь³ и в Лакедемоне они пестры (b). В Элиде и у беотийцев, везде, где люди не мастера говорить, попросту узаконено, что угождать влюбленному – *прекрасно* [похвально]; никто у них не скажет – ни молодой, ни пожилой, – что это постыдно; тут, думается мне, цель в том, чтобы не иметь хлопот, пытаясь словесно убедить *молодежь*, между тем говорить они совершенно неспособны. А во многих местах Ионии и других областей, населенных варварами, это, напротив, считается постыдным. Ведь у варваров, из-за тирании, и это постыдно, и любовь к мудрости и любовь к телесному развитию.

(c) Для властителей, я думаю, невыгодно, когда у подвластных им возникают высокие помыслы, крепкая дружба и общение, а это и все прочее склонен вселять Эрот. На деле узнали это здешние тираны: любовь Аристогитона и окрепнувшая преданность ему Гармония сокрушили их владычество.

Таким образом там, где установлено, что угождать влюбленному – постыдно, это основано на испорченности установителей, на своекорыстии властителей и мужественности им подвластных, а там, где просто по обычаю такое угождение считается прекрасным, это происходит (d) от душевной вялости установителей. У нас здесь обычаи гораздо лучше тех, но, как я уже сказал, в них нелегко разобраться.

Обращает на себя внимание, что явную любовь признают лучше тайной, в особенности же любовь к самым благородным и самым лучшим, хотя бы

² Полис – город-государство.

³ Т.е. в Афинах.

они и не были красивее других; затем поразительную поддержку со стороны всех встречает влюбленный, вовсе не как совершающий нечто постыдное. Если он добьется своего, это считается прекрасным, а если нет – постыдным. (e) При попытках влюбленного добиться своей цели, обычай дает ему возможность снискать себе похвалу, какие бы удивительные дела он ни делал, за которые строго бы осудили⁴ всякого, кто отважился бы на них, преследуя какую-либо иную, кроме этой, (183а) цель и желал бы непременно настоять на своем. Если бы, стремясь нажиться, или получить важную должность, или достичь какого-либо иного влиятельного положения, кто-нибудь вздумал поступить так, как ведет себя влюбленный, то есть прибегать в своих просьбах к выражениям и жестам умоляющих,⁵ давать клятвенные заверения, проводить ночи лежа у дверей своего любимого, добровольно рабствовать так, как ни один раб, – то делать такие дела воспрепятствовали бы (b) ему и друзья его и враги: эти стали бы его поносить за угодничество и низость, а те попытались бы его вразумить, так как им стало бы стыдно за самих себя. Между тем все сочувствуют влюбленному, что бы он ни делал, обычай позволяет ему действовать, не вызывая порицания, словно он совершает нечто вполне прекрасное. А всего поразительнее, что, по мнению большинства, его прощают и боги, если он поклянется, а потом нарушит свою клятву – уверяют, что нет любовной клятвы.

(c) Раз и боги, и люди предоставляют большие возможности влюбленному, как видно по здешним обычаям, то поэтому можно было бы думать, что в нашем городе считается прекрасным и быть влюбленным и дружить с влюбленными. Между тем отцы юношей, приставив к ним педагогов,⁶ не позволяют юношам вступать в разговоры с влюбленными, такой наказ дается и педагогу; сверстники и приятели юношей порицают их, если заметят, что происходит нечто подобное, а старшие не останавливают порицающих, не бранят их за якобы несправедливые нападки. (d) Если обратить внимание на это, можно подумать, что у нас здесь все такое считается в высшей степени постыдным. Дело, я думаю, вот в чем: не так просто всякое действие – об этом уже было сказано вначале – само по себе оно ни прекрасно, ни постыдно, но, если его совершать прекрасно, оно прекрасно, а если совершать постыдно, оно постыдно. Постыдно угождать плохим образом пло-

⁴ Рукописное предание здесь испорчено (*сгυχ philologica*). Вслед за Шлейермахером исключаю *φιλοσοφίας*.

⁵ Обрядовые действия.

⁶ Педагог – дядька, гувернер.

хому человеку, но прекрасно – прекрасным образом порядочному человеку. (е) Плохой человек это тот обиденный влюбленный, что влюблен больше в тело, чем в душу. Да он и непостоянен, потому что влюблен в нечто непостоянное: чуть только прекратится цветение тела – как раз то, во что он влюблен – он

«упорхнув исчезает»⁷,

опозорив все, что наговорил и наобещал. Но кто влюблен в подлинно хороший душевный склад, тот остается на всю жизнь, словно сплавленный с чем-то постоянным. Наши обычаи велят подвергнуть всех основательной проверке и затем одним угождать, а другим избежать. (184a) Вот почему и советуется одним продолжать свои ухаживания, а другим – уклоняться от них; устанавливается как бы состязание для проверки к какому разряду относится сам влюбленный, а к какому тот, кого он любит. Таким-то образом по этой причине прежде всего считается постыдным быстро сдаваться: должно пройти некоторое время, достаточное для проверки большинства отношений; далее постыдно поддаваться из-за денег и влиятельного общественного положения, то есть из страха перед бедственными обстоятельствами не иметь выдержки, (b) чтобы презреть и денежные одолжения, и помощь в общественной деятельности. Ведь ничто из этого не представляется ни прочным, ни постоянным, помимо того, что изо всего этого не возникает благородной дружбы.

Итак, по нашим обычаям остается только один путь, если юноша намерен достойным образом угождать влюбленному в него. У нас ведь в обычае, (c) что касается влюбленных, не считать ни угодничеством, ни позором любое рабское служение влюбленного своему юноше; подобным же образом не позорно лишь одно, единственное, другое добровольное рабское служение: это есть служение добродетели [доблести].

На наш взгляд, если кто согласен почитать кого-либо, полагая, что благодаря ему он станет лучше – в смысле каких-нибудь знаний или любой другой отрасли добродетели [доблести], такое охотнорабствование⁸ не позорно, это не угодничество. Нужно, чтобы совпали оба этих условия (d) – и относительно любви к юношам и относительно любви к мудрости и всяческой добродетели [доблести], – для того, (e) чтобы получился вывод, что будет чем-то прекрасным уступчивость юноши влюбленному в него.

⁷ Цитата из Гомера. «Илиада» II, 71 (примеч. Р. Светлов).

⁸ В подлиннике созданный Платоном *ad hoc*, и нигде более не встречающийся неологизм: *ἐθελόδουλεία*.

При этом ничуть не позорно и обмануться, а во всех остальных случаях это приносит позор, все равно, обманут ли юноша, или нет. (185a) Если кто из-за богатства поддастся влюбленному, якобы богачу, но обманется и не получит денег, так как обнаружится, что влюбленный беден, это не менее позорно. Такой юноша явно выказывает ту свою черту, что он готов ради денег служить кому угодно, чем угодно, а это некрасиво. На том же основании, если кто уступает влюбленному, принимая его за хорошего человека и рассчитывая и самому стать лучше благодаря дружбе с ним, а между тем окажется, что это дурной человек, не обладающий добродетелью [доблестью], то такое заблуждение все же прекрасно: (b) оно показывает, что юноша, насколько это зависело от него, был готов ради добродетели [доблести] и собственного усовершенствования на все для всякого, а это прекраснее всего. Таким образом, во всем и всячески угождать ради добродетели [доблести] – прекрасно: это Эрот небесной богини, он и сам небесный и очень ценен как для государства, так и для частных лиц – он побуждает чрезвычайно заботиться о своей добродетельности [доблести] и самого влюбленного и того, кого он любит. (c) Другие же все принадлежат той другой, обыденной, богине. Вот тебе, Федр, те мысли об Эроте, что я мог собрать не готовясь».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Светлов, Р., Минак, В. (2022) «А. Н. Егунов как переводчик Платона», *Платоновские исследования* 17.2, 199–218.
- Svetlov, R., Minak, V. (2022) "A. N. Egunov as a translator of Plato," *Platonovskie issledovaniya* [Platonic Investigations] 17.2, 199–218.